

ИЗ ПЕРЕПИСКИ С. Т. ГРИГОРЬЕВА

С. Т. ГРИГОРЬЕВ — А. М. ГОРЬКОМУ¹

4 марта 1926. Сергиев Посад

<...> Однажды был у меня Бабель, самый знаменитый писатель в Москве. Говорили о вас. Он, хоть и гордый человек, но признает (в разговоре) себя вам обязанным. Вот чего мы коснулись, говоря о вас: «Почему ему (писателю) ни разу не сделалось грустно от того, что человек смертен?» Бабель задыхается. У него астма — говорит, что от контузии. Он свою жизнь строит в расчете «на пять лет». Смерть, конечно, *тема!* Но Лев Толстой мне стал ненавистен своим *погружением* в смерть. Вдова Кожевникова² года три-четыре тому назад мне говорила, что вы, Алексей Максимович, интересовались литературным наследством Н. Ф. Федорова³. Я думаю, что это верно. Если Вы ни разу не *улыбнулись смерти* (как писатель), то философский большевизм Федорова в его отношении к смерти вам ближе, чем испуг перед смертью Льва Толстого. Ну, а все-таки? Помириться со смертью нельзя. <...>

А. М. ГОРЬКИЙ — С. Т. ГРИГОРЬЕВУ

15 марта 1926. Неаполь

<...> О смерти? Меня эта тема мало волнует. Между прочим: «погружение» Л<ьва> Н<иколаевича> в смерть, как вы пишете, было в большой степени его кокетством с нею, на мой взгляд. Он пред нею несколько «красовался», как юноша пред женщиной старше его лет на 25. Она знает нечто, что ему тоже необходимо знать, но он боится этого знания, желая его. О смерти он говорил несколько смешно, Л<ев> Н<иколаевич>, изумительный человек.

Я в этом вопросе размышляю да и чувствую ограниченно, запорожски:

Пока я есть — ее нема,
А як приде — меня черт ма.

Несколько раз в жизни, волею и неволей, мне пришлось испытать близость смерти, и множество хороших людей умерло на моих глазах. Это заразило меня чувством органической брезгливости к «умиранию», к смерти. Страх же пред нею никогда не испытывал, мне знакомы лишь два страха: пред безумием и слепотою. Но и то — не очень боюсь: видел — достаточно, а безумие, хотя и жутко, но любопытно. Кто знает, что спрятано за ним? Психиатрам и невропатологам — не верю.

Науке — исследующей «материю» — верю и люблю ее как поэзию. Именно — так. Для меня современная наука — цепь блестящих, изумительных по дерзости гипотез. Все великолепно перепутано: биология с геохимией и т. д. Осуществляются мечты алхимиков о философском камне и жизненном эликсире. Нимало не удивлюсь, если в скорости открыто будет действительное и мощно действующее средство для продолжения жизни, хотя мечту многих о бессмертии — считаю глупой. Вопрос же о продолжении жизни так прочно поставлен учением о внутренней секреции и уже дал такие результаты в практическом применении, что я не сомневаюсь — его скоро решат. <...>

Федорова Н. Ф. я видел один раз. Книги его, конечно, читал. Не понравились. <...>

Н. А. СЕТНИЦКИЙ — С. Т. ГРИГОРЬЕВУ⁴

22 июня 1927. Харбин

Простите, что обращаюсь к Вам, не будучи знакомым. Не откажите сообщить, не Вы ли являетесь автором книги, изданной ЗиФ под заглавием «Гибель Британии»⁵. Книга меня очень заинтересовала. За сообщение по адресу: Маньчжурия. Харбин. Модягоу. Балканская ул., д. 24, кв. 2, Н. А. Сетницкому — буду очень признателен. Если я ошибся, простите за беспокойство.

Н. Сетницкий
22/VI 1927 г.

С. Т. ГРИГОРЬЕВ — Н. А. СЕТНИЦКОМУ

27 августа 1927. Сергиев

У Троицы
27.VIII.27

Милостивый государь,
Н. А.

Книга «Гибель Британии», действительно, написана мною.

Судя по приложенному к Вашей записке портрету Н. Ф. Федорова⁶, книга моя вызвала у Вас интерес из-за совпадения мысли

о «мировой войне» с идеями Федорова о назначении армий в то время, когда войны не будет. С книгами Н. Ф. Федорова я знаком. Считаю, что мысли его требуют дальнего развития. Своеобразный «большевизм» Федорова еще ждет раскрытия. И, может быть, — обработки.

Сергей Григорьев

г. Сергиев Моск<овской> г<убернии>
Моск<овская ул., д. Палкина>

